11. Лейбниц Г. Письмо Н. Мальбраншу 13–23 марта 1699 г. / Лейбниц Г. Соч.: В 4 т., Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – 686 с.
12. Кант И. Сочинения: В 6 т., Т. 4, Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – 463 с.
13. Гулыга А. Кант. 3-е изд. – М.: Соратник, 1994. – 304 с.
14. Гулыга А. Философское наследие Шеллинга / Шеллинг Ф. Сочинения: В 2 т., Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.
15. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
16. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 2 т., Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 565 с.
17. Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т., Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1955. – 598 с.
18. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992. – 479 с.

Поступила 09.11.2006 г.

УДК 82.1/9

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА «СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

М.Г. Вазянова

Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
E-mail: marina-wasjanowa@yandex.ru

Показано, что произведения современных чувашских поэтов навеяны духом прозы и лирики и имеют своеобразные отличительные черты. В стихотворениях в прозе А. Юрату прослеживается своеобразная композиция: человек рождается – радуется за рождение – встречает яркую любовь – надвигаются бури – любовь становится безнадежной – душа болит от несостоявшейся любви. В произведениях Н. Силпи помимо чувств, которые наблюдаются у А. Юрату, есть надежда на большие, светлые чувства. Поэзия О. Туркай пронизана глубокой философской мыслью и рассуждениями о жизни. Главенствующее место в своей поэзии она отводит человеку как связующему звену всего живого в природе, т. е. все метаморфозы, происходящие в природе, связаны с человеком. Л. Сачкова пишет не для себя, а для читающей аудитории, используя своеобразные краски и методы письма, находит в сердцах читателей свое место и закрепляется там надолго. Она отражает события наших дней и человек может найти себя в ее произведениях. Прозаические стихи А. Кибеча отличаются от ныне представленных нами поэтов тем, что пронизаны духом политики; в основном обращены к той части аудитории, которая более заинтересована развитием нашей страны, улучшением условий жизни.

Ключевые слова:

Прозаические стихи, поэзия.

Язык стиха – своеобразный язык в художественной литературе. Его нельзя сравнить ни с языком драмы, ни с языком прозы. В стихе, как ни в каком другом жанре, очень ярко выражены значенные слова. В виду того, что в стихе есть определенные, только ему присущие черты, понятие слова приобретает более яркий оттенок, и смысл становится более понятным.

Поэтому цена слова в языке стихотворения очень велика. Здесь нет места бессмысленным и пустым словам. Ритм стиха, звучание мелодии, игра слов и образный разговор формируют энергию, и она как молния освещает художественное произведение. Исходя из этого, мы можем видеть, что язык стиха родственен языку прозы. Но это все же своеобразный вид стиха, стихотворение в прозе. Название говорит само за себя: это произведение, которое написано в прозаическом стиле и, не имея определенного сюжета, носит чисто эмоциональный характер.

Сам термин в кратком энциклопедическом словаре объясняется так: «Стихотворение в прозе – лирическое произведение в прозаической форме. Для стихотворения в прозе характерны все признаки лирического стихотворения, за исключением

метра, ритма, рифмы, небольшой объем, разбиение на мелкие абзацы, подобные строфам, повышенная эмоциональность стиля, круг образов, мотивов, идей, характерных для поэзии данного времени, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания. Стихотворение в прозе представляет собой промежуточную форму между поэзией и прозой по стилистическим, тематическим и композиционным, но не по метрическим признакам» [1. С. 208]. Все же форма стихотворения в прозе распространяется в эпоху Возрождения, период романтизма. В это время были развиты новые жанры, и поддерживался культ лирики. Главный источник формирования жанра в Европе – библейская лирика в прозе. Начиная с Псалтыря и заканчивая молитвами и мистическими произведениями в средних веках. Другой источник – французские традиции, которые наблюдаются в прозаических переводах. В основном переводились стихи других стран. По-другому их называли «мнимым переводом».

В русский язык этот термин ввел великий русский писатель И.С. Тургенев. В его стихах наблюдаются ритмико-синтаксические конструкции, но

рифм не было, потому что все стихи были написаны в прозаическом духе. С одной стороны их можно было сравнить с маленьким рассказом или частью одного большого произведения. Несмотря на то, что поэты выражали свои мысли в небольших абзацах, все же эти мысли были глубокие и нужные. Жизнь, в общем, и целом, эпоха, душевные переживания и сердечные муки – вот главные темы, которые волновали поэтов.

Религиозная лирика у чувашского народа тоже сочинялась в форме прозы. В свое время с точки зрения религии их отстраняли, но всё же они являются образцами художественной литературы. Например, возьмем слова – отвороты, заклинания и т. д.

«Как холоден лед в океане, так пусть этот человек от того человека холодеет.

Как от волка и медведя боится, так пусть этот человек от того человека боится.

Как в поле и лесу боится от змей и ящериц, так пусть этот человек от того человека бежал, не оглядываясь» [2. С. 83] (Перевод выполнен мной, М.В.)¹

Мы видим, как близок к языку стиха: своеобразно рифмуется, по всему тексту идет одинаковый ритм. Концы эпифора тоже рифмованы, повторы слов в каждой строке. Такие особенности встречаются и в поэзии современных поэтов. Особенно в произведениях О. Туркай и А. Кибеча. В них заметна гордость и в тоже время, особенность всех чувашей, чувство вежливости и деликатности. Многочисленные повторы некоторых слов О. Туркай имеют глубокую философскую мысль, символический облик чувствительности и душевности лирика:

*Мы душой чисты, сказали вы
Я поверила
Мы душой добры, сказали вы
Я поверила
Ты люби меня, сказали вы
Я полюбила
Я и вправду думала, что все душой чисты...
Я и вправду думала, что все добры душой...
Я и вправду думала, что всех надо любить...
Но вы со своей чистой и доброй любовью загубили мою душу.
Я не знала, каков мир. Только сейчас поняла,
Как тесен мир с первого взгляда.
Я не знала, каковы люди. Только сейчас поняла.
[3. С. 4].*

Повторы слов делают мысль убедительнее. И это можно увидеть во всех образцах заклинаний. Почему же? Знахари, целители, колдуны говорили свои слова быстро и шепотом, слушающие могли только слышать отдельные слова. А это само собой, повторяющиеся однообразные звуки внушали магическое значение и придавали синкретическую функцию.

Но в стихах О. Туркай наблюдается символизм, здесь проявляется речь от имени народа; ритмика однозвучна с заклинаниями. Чтобы читатель мог прийти к своему мнению, показывая незаконченность мысли, в конце строфы ставит многоточие. Но этот пример у О. Туркай близок к молитвам. И чувствуется, что с кем-то ведет разговор, как бы делая душевный монолог, молча, наблюдая вокруг себя. Можем утверждать, что религиозная лирика является источником жанров молитв, заклинаний. Но здесь имеется в виду истинная религия чувашей. Даже поклоняясь Киремету², говорились разные заклинания, наговоры, заговоры, также исповедовались. Рассмотрим некоторые из них:

*О, Господи, приносим в жертву семена проса,
Довольствуйся. С одного зерна дай тысячу.
Сделай ствол как камыш, а верхушку как горох.
О, Господи, помоги собрать хороший урожай.
Спаси от ветра, от огня, от града, довольствуйся. [3. С. 4].*

Эпоха создала свои молитвы. Если в прежние времена были посевные, воробьиные, пивные и другие жертвоприношения, то в сегодняшнее время в церквях ли, дома ли читаются новые молитвы. Рассмотрим «молитву» А. Кибеча:

*О, Господи, сохрани мой
Народ, сосущих его
Кровь как клещ разгрома громом.
Не давай хлеба бездельникам, лентяям.
Завлекающих чувашских женщин изготовлению
Ядохимикатов пошли болезни их сыновьям.
Пусть подавятся отнятым кусочком хлеба
У чуваша, обманом собранное богатство
Пусть принесет неудачу, пусть хозяева
Между собой перессорятся и отправятся в ад.
[4. С. 120].*

Не проклятие ли этот стих? Да, с одной стороны кажется и молитвой. Так как просит всевышнего Бога, но с другой стороны проклинает. Разве можно человека проклинать? Ведь каждый человек

¹ Здесь и далее перевод наш (М.В.), кроме особо оговоренных.

² Киремет (как свящ. место; от араб. кірамаат). Киремет, собственно, есть место, где пребывает злой дух, например дух какого-нибудь известного, некогда жившего на этом месте, чувашина, представляющего собою героя. «Киремети» имеют и другое происхождение. Место, где раньше совершали в продолжение столетий общественные моления высшим богам, нередко впоследствии были оставляемы, так как с течением времени условия жизни изменились, и чуваша, находя неудобным молиться на том месте, выбрали другое место для молений. Но уважение к прежнему месту молений сохраняется // Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары: Русика, 1994. – Т. 6. – С. 230–231.

приходит в мир жить. По учению Библии мы не должны даже плохо думать о человеке. Человек — всевышнее существо. Содержание стиха относится к настоящему времени, строфа и ритм напоминают жанр «проклятие». Сам автор эти стихи прозаические выпустил под названием «Песни раскаянья и просьбы». Из вышесказанного следует, что в стихотворении в прозе чувствуется влияние жанров «молитвы» и «проклятия».

В чувашской литературе также можно заметить, что «стихи в прозе» близки по отношению к жанру «раскаянье» в народной словесности. В чем же раскаиваются нынешние герои? Может, они хотят показать, что не зря появились на свет? Или думают, что будущее зависит от них самих? Просто удивительно, зачем же нам раскаиваться в нынешней прекрасной жизни. Но... Но всё же на каждом шагу происходит что-то, где невозможно прожить без раскаянья и просьбы. Обратимся, например, к стихам О. Туркай:

*Раскаиваюсь-ли я? Да, раскаиваюсь.
Из-за того, что не смогла постичь земли,
Не могла встретиться и поговорить с людьми,
Раскаиваюсь за беззащитную природу,
За неродившихся детей... Раскаиваюсь.
Раскаиваюсь-ли я? Нет. Все то, что произошло,
Значит так надо. Слава Господу, за то,
Что дал мне все это понять.
Еще раскаиваться? [3. С. 5].*

Чуваши как будто объединили молитвы и раскаянья, так как они произносят как молитвы. Например,

*Добрый дух, мать огня, успокойся.
Постелю перину, подложу подушку —
Успокойся, не распускайся. [2. С. 82].*

Такие молитвы понятны и легки по содержанию, но в то же время понудительны. Ныне в поэзии это непристойно, так как образный художественный язык используется в религии. К примеру, обратимся к «стихам в прозе» Альбины Васильевны Любимовой:

*Сквозь сердце светит солнце,
Сквозь сердце сверкает луна.
Сквозь сердце сияют звезды.
И путь твой сквозь сердце лежит.
Сквозь сердце и путь твой лежит.
Для тебя двери сердца открыты,
И красу я природы тебе покажу:*

Как просыпается матушка-земля ее соприкосновения лучей красного солнышка как быстро журчит, разливаясь по берегам весенняя вода, как тает белый снег, как не спеша расцветают из-под земли бело-снежные подснежники, как птица кормит своих птенцов, издавая красивые, своеобразные мелодии, как капельки росы блестят на зеленой траве, как ливнем льет теплый дождь... [5. С. 7].

Каким богатым воображением и образным языком пишет поэтесса. Наравне с болью, любовью, надеждой здесь параллельно испытывается влияние природы.

Таким образом, главным источником литературных жанров являются чувашская народная словесность, фольклор. Они же обогащают, развивают литературу.

Поэт как родник. Его талант — это источник, который бьет через века. Ждет удобного момента, чтобы проявить себя. После, когда наступит момент, он не будет занимать позицию стороннего наблюдателя, а наоборот. Его главная задача — дарить людям живительную силу своей энергии. Так описывает читающая публика живительный источник. Если не оберегать и не очищать родник, то он может иссякнуть. И каждого нового поэта можно сравнить с живительным источником. Талант выражается в мыслях и думах, хранящихся в сердцах людей, а также в вопросах, на которые хочется услышать ответы. Слова обращены в адрес Любимовой. В литературе хорошо известны ее стихотворения в прозе. Картины и образы в них описаны радужными красками. Главный стержень произведений А. Любимовой — Великая Любовь. Поэтому олицетворенный мир в ее произведениях, как и человек, умеет и грустить, и радоваться, рыдать и убиваться. В прозаических стихах большое место занимают чувства. Здесь царит человечность, душевность.

Один недостаток — ее стихотворения без названия. Но разве это имеет значение? Если можно понять содержание произведения, если можно выразить поэтику слова и глубокий смысл, если автор, рисуя своего героя, смог донести до читателя то, что хотел сказать — то это уже можно назвать поэзией.

*Песню из песен пела моя душа...
Сделала мелодию песни моя душа,
Обновляясь, поднимаясь ввысь, надрываясь...
Сердце мое звенело серебряным гусельным звуком
Освещая Вселенную
... Твое имя живет и в песнях
В песнях твое имя живет в сердце моем [5. С. 7].*

В данных строках мы видим, что любовь А. Любимовой вечна, она чиста и хрупка, горяча и нежна. Так же в ее стихах большое место занимают окружающий мир и человеческая судьба. Объединяя все это, она в итоге опять же возвращается к чистой любви. Это можно наблюдать в следующем порядке: человек рождается — радуется своему появлению — встречает яркую любовь — надвигаются бури — любовь становится безнадежной — душа болит от несостоявшейся любви и начинается безмерная тоска. Строки эти можно назвать своеобразной композицией стихотворений в прозе А. Любимовой.

В то же время в стихах имеются черты сомнения. Например:

...Меня могло бы и не быть. И не зная жизни, я могла бы поддаться суете.

Еще чувствуется, что она смотрит в будущее с оптимизмом, надеясь на что-то хорошее. Правду говорят в народе: «Люди, которые умеют ждать, не теряя надежды, обретают счастье».

Нужно отметить, что литературный язык стихов в прозе необыкновенно богат и пронизан глубиной мысли. Автор использует разные художественные методы: эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения.

Прозаические стихотворения отличаются от других видов стиха. Использование парных слов, понятий, вводных слов, обогащение предложений синонимами помогает произведению больше раскрыться. И это присуще не только А. Любимовой, но и другим поэтам, творящие в этой сфере искусства. У Любимовой также построение стихотворения своеобразно. Часто она упоминает местоимение «я» от первого лица. Во многих случаях свои мысли заканчивает многоточиями. К чему бы это? Ясно без слов, картина, написанная ею, еще не конец жизни человека. Мысли, о которых человек еще будет думать, и жизнь лирических героев может только начинаться. Поэтому феномен многоточия здесь играет не только роль пунктуации. Это по-другому можно назвать философией жизни. «Феномен многоточия есть монтаж абзацев и разных частей стихов в прозе, они по методу ассоциации не придерживаются хронологии», — пишет Г.И. Федоров [8. С. 202].

Эти слова в полной мере можно отнести и к поэзии А. Любимовой. Имея в виду субъективный характер, эти эпизоды или чувства художественного слова переплетаются в общий смысл.

В итоге приходим к выводу, что стихи в прозе Любимовой пронизаны глубокой мыслью и душевностью. И, наверное, поэтому очень нравятся читателю. Читая ее стихотворения, начинаешь понимать смысл таких слов: Любовь, Жизнь, Счастье, Радость, Душа, Человечность, Бессердечие. И, кажется, что Мир не может жить без любви, он может умереть. И, наверное, не зря Любимова взяла себе псевдоним — Юрату (Любовь). Она понимала жизнь и выбрала правильное имя.

Сильпи, также как и Юрату (Любимова), окрыляет поэзия. Но у нее больше тоскливых мотивов. Найти себе родственную душу, найдя любимого человека, уметь сберечь его, вместе с любовью суметь пройти счастливую тропу жизни, живя с мечтой, суметь сохранить надежду — вот поэтика произведений поэтессы. Ведь недаром приходят на ум слова известной русской поэтессы Марины Цветаевой: «Чистая лирика живет чувствами. Чувства — всегда одни. Чувства не имеют развития. Они непоследовательны. Ни даны нам сразу все... Чувству не нужен повод, оно само повод для всего». В одном стихотворении она зовет возлюбленного «приди, любимый, приди», а в другом уже прогоняет «уходи, любимый, уходи». Потому что лирический герой — человек высоких эпических моралей. Он стесняется людей старшего поколения, спешит быстрее уйти. Вот где мы можем видеть чувашский этикет и обычай. Важное место в ее поэзии занима-

ет призыв к сохранению любви, не оскверняя ее. Своеобразие прозаических стихов Н. Сильпи — это использование восклицаний и риторических отступлений. Использование кратких восклицаний и противоречий, соглашаясь с чем-либо или же, наоборот — от них отказываясь — она формирует художественное своеобразное слово. Это необыкновенное произведение помогает найти присущий только ей одной голос лирики. Например:

Приди, возлюбленный, приди! Нет, сколько ни ждала, сколько ни переживала, все равно тебя не встретила сегодня, нет, не встретила. Приди, возлюбленный, приди! Приди, любимый!.. [6. С. 6].

В творчестве поэтессы большую роль играет диалог, то есть разговор между любящими людьми. Думы о будущей счастливой жизни, внимание к горячему сердцу в груди, и вдруг разбитые, как зеркальные осколки, надежды, исчезновение любви; и в то же время бесконечный поиск любимого... — все есть в стихах в прозе Сильпи.

Стихотворения в прозе Туркай проникнуты глубиной мысли и отмечены философским умом. Даже каждая строка и каждый знак пунктуации имеет символический смысл:

Не обманывай себя:

ты ждала

дождалась...

надежда не оправдалась... [3. С. 7].

Интересно о чем же речь? О любимом человеке? Может о том, что ждешь любимого человека, потом окажется, что ожидания были напрасными. Потому что человек изменился, переменялся... Или в голове лирического героя была другая любовь. Может, ждала совсем другое, время радости — но время пришло другое.

С одной стороны — данное явление можно сравнить японским хокку (японское лирическое трехстишие, в японской поэзии наряду с танка является национальной формой направления «Дэнтосси»).

Теперь рассмотрим еще одно стихотворение:

Молчи...

Не шуми...

Не спорь...

Послушай: сердце стучит. Хвала господу, на сегодня стучит — хочет жить.

Молчи. На сегодня сердце стучит.

Внимай... [3. С. 7].

Здесь лирический герой размышляет о жизни. В первых строках мы внимаем тишину, мы слышим ш — ш — ш. После герой начинает дышать полной грудью и говорить: «Сердце бьется». Значит, у чувашей было какое-то большое горе, оно тревожило сердце. Но человек старается жить, в то же время боится «если не знает, что будет завтра, может жить только сегодняшним днем». И это стихотворение приобретает философский оттенок, найти ритм каждодневной жизни, понять это душой — становится идеей. В

основном в стихах в прозе имеет место характеристики определенного времени, эпоха тех времен, попытка разгадать тайну жизни и осмыслить ее. Она много думает о том, как бы сделать добро.

О. Туркай умеет разгадывать тайну слова, чувствует его силу, умеет понять и принять душой. Не зря в одном из стихов у нее есть такие строки: «Все равно, будучи скромной, гостью, жизнь, тебя благодарю».

И мы должны научиться благодарить жизнь, почитать и преклоняться перед родителями, даровавшим нам жизнь. Откуда же берется осмысление ритма эпохи и времени, понимание отношения между человеком и жизнью? Скорее всего, поэты все это понимают через философию жизни. Также в стихах поэтессы мы видим, что она душой – философ, понимающий все витки жизненного пути. Надо только научиться понимать ее голос.

Стихотворения в прозе Людмилы Сачковой имеют своеобразный характер. Они своеобразны по своему звучанию, глубиной мысли и находят отклик в душах читателей. В основном, рассказывается о жизни современного человека. Внутренний мир лирического героя, душевную боль, чувственность она рисует яркими красками и правдоподобно.

В книгу Людмилы Сачковой «Обворожительные глаза» (2000) вошёл цикл прозы в стихах. В первом одноименном цикле видно, что лирический герой попал в омут красивых и бездонных глаз. Свое будущее он мечтает видеть в этих глазах. Здесь ли он ищет свою любовь? Если, думает герой, найти другие глаза «осенние и мутные» удастся ли спастись от мучавшей боли. В третьей строфе мы уже сталкиваемся с холодными как лед глазами. При виде этих глаз душа холодеет, и сердце останавливается. Наверное, поэтесса хотела показать бессердечие людей.

И в конце ставится вопрос: «Тот снеговик, что на середине улицы, не я ли это?» Данная мысль оставлена на размышление читателю. Хочется сказать: что среди бездушных людей есть люди с добрым сердцем. Они были и всегда будут.

В следующих строках автор пишет уже о других глазах. Эти глаза смотрят с теплотой и добротой. Читаем дальше:

«Сказанное слово – улетевший воробей. Сказано – утрачена сила слова. Но твои глаза все равно сохраняют смысл. Несказанная сила хранится в твоих светлых глазах. Их я вижу даже через лед, в водовороте отыщу их, заблудившись в мареве, все равно наткнулся на них». [7. С. 23].

Перед читателем сразу возникает образ человека с горячим, трогающим чувством и гордым самим собой. Но у него доброе сердце и он ласков. И даже взглянув в глаза лирическому герою, мы можем сразу узнать, что он хочет нам сказать. Далее описаны глаза человека гордого, но отнюдь не доброго ума и сердца. Остается открытым вопрос: «Неужели можно так свысока глядеть на остальных людей?» Конечно же, нельзя. «Обиженные дорогие глаза». От чего они обижены? Может, любимый обидел? Неда-

ром автор пишет: *«На шее у меня моменты, как связка бус, когда твои глаза смотрели на меня с любовью».*

В остальных циклах поэтесса пишет, что глаза постоянно меняются. Это зависит от настроения, от мыслей хозяина. Человек может быть добрым, но в другой момент он уже злой и бесовский. Или в одно и то же время могут переплетаться эти два противоречивых чувства.

В этих стихах есть и вывод, и дидактика: пусть эти глаза, каждому человеку даруют только доброту и счастье. В целом, Сачкова в цикле «Обворожительные глаза» описывает значимость души, отмечает, каким может быть человеческая душа в разных обстоятельствах. А изменение может заметить даже посторонний человек. Душа – это огромное явление, и не всегда удается понять и постичь ее, только люди с большой душой могут это осмыслить. В цикле «Перекресток» в основном пишет о жизни. Война... Кому нужна эта кровавая дорога беды? Повсюду слышим «Чуваши! Чуваши! Чуваши!», но не слышим чувашского языка, даже знаменитые сыновья и дочери Чувашии не считают нужным разговаривать на родном языке. Вот что беспокоит лирического героя. Это означает, что нужно приложить максимум усилий за идею Чувашии и нации.

«И хорошего много в жизни, и зло царствует на Земле. И слава, и горе – на перекресток»

Действительно Бог пишет наши судьбы, и мы не в праве ее изменить. Если даже у нас одна судьба, жизнь может сложиться по-другому. И этот крест мы не можем иногда достойно пронести в мир иной, за нас, его несут другие, человек умерший уже не сможет за себя понести его. Вкратце, если даже стихи в прозе поэтессы кажутся обычными предложениями, все же они пронизаны глубиной мысли и написаны в таком стиле, что каждый невольно задумывается о своей жизни, о смысле существования. Неспроста в конце предложения автор ставит вопросительные знаки. Предложение требует осмысления, автор в основном использует синонимы. В достаточной мере употребляет методы выразительности. Вчера – сегодня – завтра – вот главная тема. За идею можно взять выражение: «Что такое душа?» Потому что все вращается вокруг этой фразы, содержание и композиция формируются, исходя из этого.

На ниве стихотворения в прозе в чувашской литературе плодотворно работает Анатолий Ильич Кибеч. О чем же его стихи? Стихи в прозе он начал писать еще в 90-х гг. XX в. «Книга жизни» начинается со стихов, которые были написаны 1997 г. Далее по хронологии вплоть до 2001 г.: Правильно ли мы живем? Легко ли быть чувашом? Есть ли народ, которого не выбрал бы Бог? Если считаешь себя умным, то почему беден? Что нужно сделать для прогресса? Что такое счастье? Вот какие вопросы терзают известного писателя. И, конечно, постарался раскрыть их в своих стихах в прозе.

Почему? «Заметьте, автор показывает всю подноготную жизни чувашского народа, его идеи и стремления, радости и горести, правду и ложь, подлинное лицо народа, населяющего Землю».

Очевидно, что поэт становится более сильным и твердым. Как пишет исследователь В.Г. Родионов, «в поэзии всегда так бывает: поэт, прежде всего, должен сказать свое слово. Если поэт нашел его — то стихи прозвучали. В этом стихотворении чувствуется своеобразная рука, чувствуется утверждение определенного звука. В каждом его стихотворении можно почувствовать его стиль, услышать этот звук и отличить героев. Это все внутренний мир поэта, его мировоззрение, цель жизни, вкус этики — эстетики зависит от внутреннего огня и ритмики» [5. С. 30].

Прозаические стихи поэта носят в основном публицистический характер, потому что поэт использует те факты, которые берет из жизни. И, кажется, что стихи он пишет для публики, для сцены. Повествование происходит от третьего и от первого лица настоящего времени. Стихотворения в прозе обладают длинной мелодикой, и чувствуется, что он специально создает какие-то звуки. Многие стихи обладают строкой с начальной аллитерацией.

Говоря люди, люди, мы можем не заметить человека.

Когда трудишься, когда разговариваешь дело не выйдет без определенного человека.

Каждый человек — это отдельная жемчужина, со стороны умственного развития, телосложения.

Каждый человек — это своеобразный мир. В этом мире он, будучи солнцем, освещает вокруг и отдает тепло.

Если солнце померкнет — все исчезнет, в этом мире тысячи связей навечно разорвутся [4. С. 26].

Поэт опирается на фольклор. Использование традиций фольклора, описание его в поэзии создает большое впечатление и, конечно же, обогащает ее своеобразием. Придерживаясь хронологии, показывает изменения жизни в целом, что дела и ситуации переплетаются с эпохой и временем. Автор призывает нас прожить жизнь достойно и с честью, учит избегать ошибок, которые он сам совершал. Главная тема его творчества — дружба между мужчиной и женщиной, жизнь талантливых людей, месть и предательство, прощение и помощь, зло и доброта, правда и ложь. Но самая большая тема — чувашский народ, жизнь и будущее его. После прочтения его стихов перед глазами вырисовывается весь чувашский народ, повседневность, дела и мысли. В коротких оборотах

выражена мудрая философская мысль. В них своеобразное чувство. Читаешь и чувствуешь, что это происходит с тобой, видим законченность мысли, и они обыкновенные стихи, но без рифм. Здесь есть и ударение, и мелодия, но существуют приложенные строки. Поэтому их относят к стихам в прозе.

Таким образом, смеем утверждать, что для некоторых жанров чувашского фольклора эта форма не чужда. В стихотворениях в прозе А. Юрату прослеживается своеобразная композиция: человек рождается — радуется за рождение — встречает яркую любовь — надвигаются бури — любовь становится безнадежной — душа болит от несостоявшейся любви. Из этой композиции можно сделать вывод, что в ее произведениях отражается любовь с печальным концом. Напротив же, в произведениях Н. Силпи помимо чувств, которые наблюдаются у А. Юрату, есть надежда на большие, светлые чувства. Следующий поэт с ярко выраженными эмоциями — это О. Туркай. Ее поэзия пронизана глубокой философской мыслью и рассуждениями о жизни. Главенствующее место в своей поэзии она отводит человеку как связующему звену всего живого в природе, т. е. все метаморфозы, происходящие в природе, связаны с человеком. Л. Сачкова пишет не для себя, а для читающей аудитории. Если произведения нашли отклик в душах, сердцах читателей; заставили задуматься над той или иной проблемой, только тогда писатель может сказать, что он сделал плодотворную работу. Именно Л. Сачкова, используя своеобразные краски и методы письма, находит в сердцах читателей свое место и закрепляется там надолго. Она отражает события наших дней и человек может найти себя в ее произведениях. А. Кибеч отличается от ныне представленных нами поэтов тем, что он нашел свое место в публицистике. Его прозаические стихи пронизаны духом политики; в основном обращается к той части аудитории, которая более заинтересована развитием нашей страны, улучшением условий жизни.

Из всего выше сказанного можем сделать следующий вывод: несмотря на то, что произведения современных чувашских поэтов навеяны духом прозы, все же они имеют лирический характер. Резюмируя, мы можем остановиться на том, что и для написания прозы в стихах нужны глубокие чувства и, может быть, нетрадиционный склад ума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая литературная энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — 586 с.
2. Озеров Л.А. «Стихотворения в прозе» Тургенева // Мастерство русских классиков / Под ред. П.Г. Пустовойт. — М.: Советский писатель, 1969. — С. 46–50.
3. Туркай О. Прозаические стихи // Родная Волга. — 1994. — № 8. — С. 4–5.
4. Кибеч А.И. Книга жизни. — Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1991. — 164 с.
5. Любимова А. Приди в мое сердце // Пике. — 1996. — № 9–10. — С. 7–8.
6. Родионов В.Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. — 216 с.
7. Сачкова Л. Обворожительные глаза. — Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2000. — 82 с.
8. Федоров Г.И. Чувашская литература (1945–1985 гг.). — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. — 416 с.

Поступила 04.04.2008 г.